

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

15 ДЕКАБРЯ

№ 24.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Юля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА,

отъ 28 сентября 1868 года. *О разрѣшеніи сбора добротныхъ подавій въ Россіи, въ пользу монастыря Св. Таксіарховъ на островъ Митилень, монаху Паисію и іеромонаху Евгенію.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушала докладъ Синодальной Канцеляріи о томъ а) что Высочайше утвержденнымъ, въ 6-й день апрѣля сего года, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, состоявшимся вѣдѣствіе ходатайства Русскаго Посольства въ Константинополь, дозволено Митиленской епархіи прислать въ Россію довѣренныхъ лицъ, по назначенію мѣстнаго Духовнаго Начальства, для сбора, въ теченіи одного года, подавій въ пользу разрушенныхъ въ 1866 году землетрясеніемъ монастыря Св. Таксіарховъ и другихъ церквей на островъ Митилень, на принятыхъ для подобныхъ сборовъ основаніяхъ; б) что на основаніи вышеизъясненнаго Высочайшаго соизволенія

явились въ Синодальную Канцелярію, 9-го августа сего года, монахъ упомянутаго монастыря Паисій, и 24 августа іеромонахъ Евгеній и представили выданные имъ отъ Миссіи нашей въ Константинополь паспорта отъ 15-го іюля сего же года. Приказали: Прибывшимъ въ С. Петербургъ, на основаніи вышеозначеннаго Высочайше утвержденнаго, въ 6-й день апрѣля сего года, опредѣленія Святѣйшаго Синода, монаху Греческаго монастыря Св. Таксіарховъ на островѣ Митилевѣ Паисію и іеромонаху Евгенію, для сбора въ предѣлахъ Имперіи добротныхъ подаяній, въ пользу означеннаго монастыря и другихъ церквей Митиленской епархіи, выдать изъ Синодальной Канцеляріи шнутовую книгу, срокомъ на одинъ годъ, съ тѣмъ: а) чтобы сборъ сей они, монахъ Паисій и іеромонахъ Евгеній, производили сами, не передавая книги, ни подъ какимъ предлогомъ, въ постороннія руки; б) чтобы подаянія вносили въ оную вѣрно и ясно и в) чтобы по окончаніи сбора въ какой либо епархіи, какъ собранныя деньги, такъ и книгу, представляли въ мѣстныя Консисторіи для повѣрки и доставленія за тѣмъ денегъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ; для свѣдѣнія же о томъ и должнаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія, послать по Духовному вѣдомству печатные указы.

II.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1) Обь открытіи приходскихъ попечительствъ.

Церковно-приходскія попечительства учреждены въ слѣдующихъ селахъ Козловскаго уѣзда:

1) Въ Новобогоявленскомъ Хоботцѣ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Евдокимъ *Свиридовъ* съ 1 членомъ.

2) Въ Богоявленскомъ Хоботцѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Романъ *Архангельскій* съ 3 членами.

3) Въ Старокосмодамианскомъ Хоботцѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Іоаннъ *Блаонравовъ* съ 5 членами.

4) Въ Новокосмодамианскомъ Хоботцѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Іоаннъ *Соколовъ* съ 11 членами.

5) Въ Васильевскомъ Хоботцѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Епифанъ *Золотовъ* съ 7 членами.

6) Въ Еремѣевѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Павелъ *Архидіакоискій* съ 3 членами.

7) Въ Гололобовкѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Игнатій *Дубровскій* съ 3 членами.

8) Въ Глазкѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Николай *Щеинскій* съ 7 членами.

9) Въ Кругломъ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Василій *Собчаковъ* съ 10 членами.

10) Въ Никольскомъ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Егоръ *Яковлевъ* съ 1 членомъ.

11) Въ Епанчинѣ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Федоръ *Пилюминъ* съ 8 членами.

12) Въ Вышневомъ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Алексій *Цвѣтаевъ* съ 3 членами.

13) Въ Стефановскомъ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Андрей *Аристовъ*.

14) Въ Малыхъ Пупкахъ. Предсѣдателемъ избранъ

волостной старшина Сергѣй *Ковылинъ* съ 9 членами.

15) Въ Стежкахъ при Ильинской церкви. Предсѣдателемъ тотъ-же *Ковылинъ* съ 7 членами.

16) Въ Стежкахъ при Архангельской церкви. Предсѣдателемъ тотъ-же *Ковылинъ* съ 4 членами.

17) Въ Верхнихъ Пупкахъ. Предсѣдателемъ *Ковылинъ* съ 4 членами.

18) Въ г. *Моршанскѣ* при Федоровской церкви. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Яковъ *Кособрюховъ* съ 27 членами.

Въ селахъ этого уѣзда:

19) Въ Громкѣ. Предсѣдателемъ избранъ Родіонъ *Рекзевъ* съ 9 членами.

20) Въ Каменкѣ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Давидъ *Клейменовъ*. съ 10 членами.

Лебедянского уѣзда:

21) Въ Большомъ Хомутцѣ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Кононъ *Ивановъ* съ 3 членами.

22) — Борисовкѣ, при Казанской церкви. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Василій *Кочетовъ* съ 2 членами.

23) Въ Борисовкѣ при Святодуховской церкви. Предсѣдателемъ избранъ штабсъ-капитанъ Александръ *Кирилловъ* съ 3 членами.

24) Кривцѣ. Предсѣдателемъ избранъ коллежскій асессоръ Иванъ *Незнамовъ* съ 3 членами.

2) Отъ Тамбовскаго Губернскаго Училищнаго Совѣта.

Тамбовскій Губернскій Училищный Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 20 мая сего 1868 года, между прочимъ постановилъ: выразить свою признательность тѣмъ изъ наставниковъ и учителей сельскихъ училищъ, которые, по отчетамъ Уѣздныхъ Училищныхъ Совѣтовъ, своимъ усерді-

емъ и способностями оказываютъ несомнѣнную пользу дѣлу народнаго образованія. Эти лица суть слѣдующія:

1) по Тамбовскому уѣзду.

Покровскаго сельскаго училища помощникъ наставника діаконъ Шишковъ.

Ольшанской сельской школы учитель священникъ Воскресенскій.

2) по Моршанскому уѣзду.

Моршанскаго женскаго приходскаго училища: Законоучитель священникъ Солертинскій, надзирательница училища Екатерина Ермолаева и учительница 2 класса Маслова.

Села Съркова священникъ Надеждинъ.

Села Бабина-Угля священникъ Грибановскій.

3) по Усманскому уѣзду.

Усманскаго мужскаго приходскаго училища: законоучитель протоіерей І. Сперанскій и учитель Поповъ.

Пригородной Пятнитской волости училища учитель священникъ Яковлевъ и помощникъ его священникъ Орловъ.

Демшинскаго сельскаго училища учитель священникъ Кедринъ.

Мордовскаго сельскаго училища учитель діаконъ Лебедевъ.

Высельскаго начальнаго училища учитель священникъ Разсказовскій.

Павловскаго сельскаго училища учитель священникъ Германовъ и помощники ея крестьяне—Гусевъ и Рамаденковъ.

Александровскаго сельскаго училища учитель діаконъ Сахаровъ.

Зеновской—Новоникольской волости учитель дьячекъ Талинскій.

4) по Липецкому уезду.

Больше-Избердѣвскаго приходскаго училища учител. Успенскій.

5) по Лебедискому уезду.

Шовской школы наставникъ священникъ Чернѣвскій
Подмонастырно-слободскаго мужскаго приходскаго училища учитель Волховитяновъ.

Пригородно-покровскаго приходскаго училища учитель Баталинъ и учительница дѣвица Данилова.

6) по Курсановскому.

Колаисскаго сельскаго училища учитель унтеръ-офицеръ Понамаревъ.

Кобяковскаго сельскаго училища учитель унтеръ-офицеръ Сухоручкинъ.

7) по Козловскому уезду.

Старославянскаго 1-й школы наставникъ священникъ Димитрій Богоявленскій.

Старославянскаго 2-й школы наставникъ священникъ Михаилъ Вяжлинскій.

Никольско-Мезинецкой школы наставникъ священникъ Шафрановъ.

8) по Борисоглыбскому уезду.

Городскаго мужскаго училища законоучитель священникъ Петровъ и учитель Андреевскій.

Городскаго же женскаго училища надзирательница Иванова, учительница дѣвица Димитріева и учитель Шаховской.

Чигоракскаго сельскаго училища наставникъ священникъ Голубевъ и помощникъ его Лавровъ.

Бурнакскаго сельскаго училища наставникъ священ

никъ Воскресенскій.

Архангельскаго сельскаго училища наставникъ Солнцевъ.

Ростошинскаго сельскаго училища учитель священникъ Разумовъ.

Костино-Отдѣльскаго сельскаго училища учитель учитель діаконъ Щегловъ.

Уваровскаго сельскаго училища учитель священникъ Добровольскій.

Махровскаго сельскаго училища наставникъ священникъ Ржакшенскій.

Сукмановскаго сельскаго училища учитель священникъ Кедровъ.

Новорусановскаго сельскаго училища учитель государственный крестьянинъ Тимошеевъ.

Павлоградской школы учитель священникъ Кандидовъ.

Больше-алабуховской частной школы, содержатель борисоглебскій мѣщанинъ Тихомировъ.

9) по Спаскому уѣзду.

Городскаго приходскаго училища законоучитель священникъ Іоаннъ Ястребовъ.

Наставникъ Нововысельскаго приходскаго училища воспитанникъ Семинаріи Надеждинъ.

10) по Елатомскому уѣзду.

Учитель Иванчинской школы священникъ Муравьевъ.

11) по Шацкому уѣзду.

Новочерѣвскаго приходскаго училища учитель священникъ Успенскій.

Законоучитель городскаго приходскаго училища священникъ Алексѣй Строгановъ.

Пригородной Ямской школы учитель діаконъ Клосскій.

Дьячинской школы учитель священникъ Ильинскій.

12) по Темниковскому уезду.

Кадомскаго приходскаго училища законоучитель священник Реморовъ и учитель Мягковъ.

Теньгушевскаго сельскаго училища наставникъ священник Вановскій.

Новосельскаго училища наставникъ священник Салтыковъ и помощникъ его Пономаревъ.

Токмановской школы наставникъ священник Востокъвъ.

3) Объ изданіи Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ 1869 году.

Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться въ 1869 году, по прежней программѣ, два раза въ мѣсяцъ.

Цѣна остается прежняя: 4 р. 25 коп. съ пересылкою во Всѣ города Имперіи.

Редакторъ: Протоіерей Іоаниъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 2 Января 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 ДЕКАБРЯ

№ 24.

1868 ГОДА.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Николая.

XVII.

Заключеніе.

Не только между клеветниками и порицателями Христіанства усвоено какъ правило, но, къ сожалѣнію, надобно сказать, и между защитниками его не безъ удовольствія принимается, твердить, будто бы когда въ основаніе христіанскаго ученія полагается авторитетъ, *слѣпая вѣра*, по необходимости, является *исключительнымъ* положеніемъ его послѣдователей, будто бы разуму здѣсь уже нечего дѣлать, и, слѣдственно, всякій кто не хочетъ рѣшительно и безусловно отказаться отъ собственнаго разума, находится вынужденнымъ броситься въ объятія философіи, а за тѣмъ, въ объятія и невѣрія. Эта неугомонная мысль, слѣвавшаяся предубѣжденіемъ большинства образованныхъ людей нашего времени, есть одно изъ са-

мыхъ роковыхъ и самыхъ вѣроломныхъ заблужденій. Она пагубна и для Религій и для философій; для Религій, потому что отклоняетъ отъ нея умы, жаждущіе свѣта; для философій, потому что похищаетъ у нея сердца, чувствующія потребность вѣры; и такъ какъ всѣ мы, хотя не въ одинаковой степени, чувствуемъ потребность свѣта и вѣры; то и выходитъ, что ни Религія, ни философія, въ такой противоположности понимаемая, не могутъ доставлять удовлетворенія этой потребности нашего духа, и при такомъ раздѣленіи ихъ только разрушительному сомнѣнію (скептицизму) открывается торжественное поприще.

Во имя истины и зависящаго отъ нея порядка я рѣшился протестовать противъ этого заблужденія.

1. Заблужденіе это, разсматриваемое въ своемъ основаніи, всецѣло держится на одной двусмысленности.

Безъ сомнѣнія, вѣра есть вѣра, т. е. рѣшеніе ума принять что либо за истину на основаніи словъ другаго,—принятіе готовой мысли безъ всякой предварительной повѣрки ея чрезъ сличеніе съ предметомъ, составляющимъ непосредственное содержаніе такого довѣрія. Такъ дитя на-слово вѣритъ всему, чему учитъ его мать, хотя оно и не въ состояніи дать себѣ отчета объ основаніяхъ ея наставленій. Для него это такъ потому, что это сказано его матерью; вотъ главное основаніе его вѣры. Дитя не понимаетъ самаго предмета, но вмѣсто дитяти его понимаетъ мать и передаетъ ему совершенно готовое слѣдствіе своего пониманія, т. е. несомнѣнную увѣренность, служащую какъ бы молокомъ для юнаго разсудка. Блаженна эта

довѣрчивость, блаженна эта вѣра! Она служитъ первымъ пробужденіемъ и первою опорою дѣятельности разума человѣческаго, который безъ нея не нашелъ бы исхода изъ мрака своего естественнаго невѣдѣнія.

Спрашивается теперь, утверждается ли этимъ, что дитя должно отказаться отъ своей естественной потребности — упражнять свой разумъ надъ истинами, принятыми имъ сначала на вѣру, и уевоить ихъ собственному разсудку путемъ размышленія о нихъ и пониманія ихъ? Напротивъ, не есть ли это для дитяти вызовъ, со стороны матери нарочито предлагаемый, съ тою цѣлію, чтобы въ этихъ истинахъ дать предметъ занятія для дѣятельности пробуждающагося въ немъ мышленія, чтобы его мышленіе остановилось на нихъ своимъ вниманіемъ, обняло ихъ возможнымъ для него пониманіемъ и обратило ихъ въ свое собственное достояніе? Есть ли какая нибудь необходимость для дитяти воздерживаться отъ размышленія, потому что оно вѣритъ, или отказываться отъ вѣры, потому что оно старается размышлять? Кто рѣшится утверждать это?... И если между истинами, сообщенными дитяти, бываютъ нѣкоторыя очень общирныя, которыхъ потому самому оно не можетъ своимъ разсудкомъ обнять и представлять во всей ихъ совокупности, а только нѣкоторую сторону или часть ихъ, болѣе или менѣе значительную, обнимаетъ и представляетъ, смотря по живости и пронизательности разсудка; то не очевидно ли, что оно, по отношенію къ такимъ истинамъ, всегда должно и вѣрить и въ тоже время размышлять о нихъ; что, всецѣло вѣря въ нихъ, оно можетъ путемъ размышленія стремиться къ пони-

манію ихъ, и, достигая пониманія ихъ только отчасти, оно можетъ не переставать вѣровать въ нихъ всецѣло? Оно и всегда будетъ относиться къ нимъ съ вѣрою въ томъ отношеніи, въ какомъ не достигнетъ пониманія ихъ, да и въ то, что будетъ усвоено его пониманіемъ, оно все еще должно будетъ хранить вѣру; потому что какъ пониманіе его не можетъ быть полно, а эти истины нераздѣльны между собою, то пониманіе никогда не можетъ отрѣшиться отъ вѣры, но всегда должно будетъ находиться въ неразрывной связи съ нею.

Но положеніе духа человѣческаго относительно Божественной истины, или разума относительно Верховнаго Разума—тоже, что положеніе дитяти по отношенію къ его матери: духъ человѣческій долженъ сосать молоко вѣры и находить себѣ пищу въ разумѣніи (*). Это отношеніе родовое общее для всѣхъ и всегда. Ни одинъ человѣкъ, по тому самому, что онъ человѣкъ, не можетъ, не потерявши здраваго смысла, считать себя независимымъ отъ Бога, и всякій человѣкъ, по отношенію къ Религій Христіанской, тоже, что простолюдинъ, въ томъ смыслѣ, что ни одинъ человѣкъ самъ собою не можетъ достигнуть полнаго и совершеннаго разумѣнія ея Божественной истины, но всегда имѣеть нужду въ вѣрѣ. «Человѣкъ, какъ справедливо выразился Бональдъ, имѣеть разумъ, чтобы изслѣдывать и одно принимать, а другое отвергать; и этотъ разумъ долженъ быть у всѣхъ одинаково покоренъ; потому что онъ не можетъ

(*) Lactandi fide, pascendi specie. August. De utilitate credendi.

быть одинаково у всѣхъ просвѣщенъ и ни у кого не можетъ быть просвѣщенъ до послѣдней степени совершенства». (*)

Если общество вѣрующихъ опирается на этомъ основаніи, то въ немъ можетъ утвердиться и развиваться пониманіе истинъ христіанскихъ, и само общество явится, какъ зданіе, болѣе или менѣе замѣчательное, смотря по различію людей просвѣщенныхъ; и здѣсь-то позволительно отличать простой народъ отъ людей съ высшимъ образованіемъ,—времена простосердечной вѣры отъ временъ философскихъ. Первые (и ихъ всегда бываетъ значительное большинство) всегда будутъ оставаться въ состояніи болѣе или менѣе простой вѣры, и на ней строить скромныя зданія разумнія соответственно простотѣ собственнаго сердца; другіе будутъ созидать роскошныя палаты и храмы изъ сокровищницъ вѣры, какъ изъ богатой каменоломни, или изъ глубокаго неистощимаго рудника, извлекая мраморъ, золото, драгоценные камни; это—философы. Вѣра, значить, не только не поставяетъ никакой задержки работамъ разума, а, наоборотъ, доставляя ему неисчерпаемый и благороднѣйшій матеріалъ, непрестанно возбуждаетъ и побуждаетъ его къ этимъ работамъ: это зародышъ, который, по самой природѣ своей, приходитъ въ движеніе, развивается, растетъ и цвѣтетъ. Такимъ образомъ, вѣра не врагъ разума, потому что она сама—тотъ же разумъ, только въ зародышѣ. Всякій вѣрующій, будь онъ дитя, или смиренный пастухъ, носить въ себѣ задатки великаго философа, и всякій истинный философъ, будетъ ли то Лейбницъ, или Паскаль, есть не иное

(*) *Theorie du pouvoir*, t. II, p. 428.

что, какъ одинъ изъ вѣрующихъ, только развѣв-
шійся. И философъ не знаетъ истинъ вѣры боль-
ше, чѣмъ сколько ихъ дано въ откровеніи, и про-
стой вѣрующій знаетъ ихъ столько же. Отлича-
ются они другъ отъ друга только степенью разу-
мѣнія. Въ этомъ отношеніи вѣру Христіанскую
можно сравнить съ наиболѣе упругими тѣлами
физическими. Она, подобно этимъ тѣламъ, всецѣ-
ло сообщается вся вѣмъ, всегда и вездѣ остава-
ясь неизмѣнно тождественною; она вмѣщается въ
скудную мѣру самаго ограниченнаго разума и ра-
сширяется вмѣстѣ съ нимъ, собственною силою
раздвигая его, чтобы распространить пріемлемость
разумѣнія и, въ тоже время, наполнить его собою;
она не только удовлетворяетъ разуму, но сама со-
зидаетъ разумъ; не только сокращается въ *кати-
хизисъ*, вмѣщающійся въ головѣ малаго дитяти,
но и расширяется до такой степени, что занима-
етъ своимъ содержаніемъ и заставляетъ благого-
вѣть предъ своими тайнами самыхъ высокихъ и
обширныхъ геніевъ.

Сколько же послѣ этого страшно то заблуж-
деніе, по которому разумъ противопоставляютъ
вѣрѣ, т. е. цвѣтъ корню! Заблужденіе — пагубное
для Религіи Христіанской, потому что отрываетъ
отъ нея цвѣтъ разума; и еще болѣе пагубное для
философін, потому что срываетъ ее съ корня вѣ-
ры.—Въ самомъ дѣлѣ, всякая философія, даже въ
устахъ невѣрующаго, есть не что иное, какъ раз-
вившійся зародышъ вѣры, ближайшимъ или отда-
леннымъ образомъ отъ нея возникшій. Философ-
ское развитіе истины состоитъ преимуществен-
нымъ образомъ въ винословной евязи съ зароды-
шемъ вѣры не только по своему началу и прои-

схожденію, но и по своимъ жизненнымъ силамъ, ручающимся за его болѣе или менѣе продолжительное существованіе, и по своимъ плодамъ. Чтобы примѣрами и основательными доказательствами, сколько возможно, уяснить для разума, сдѣлать доступною его сознанию ту истину, что есть Богъ, Творецъ, Промыслитель и Мздовоздаатель, необходимо быть увѣрену, что существуетъ законный учительный авторитетъ, всегда внушающій эту истину людямъ, и эта увѣренность столько же необходима, сколько необходимо дереву съ листьями, цвѣтами и даже съ плодами своими держаться корнями въ землѣ.— Вы требуете вырвать съ корнями философію съ почвы Религій на томъ основаніи, что философія, говорите вы, сама собою приноситъ плоды истины и разумъ совершенно независимо отъ Религій обладаетъ достаточными средствами для принесенія этихъ плодовъ. Вы настоящія дѣти, срѣзавшія вѣтвь съ дерева и хватающія покрывающими ее листьями и цвѣтами; погодите нѣсколько времени, и вы увидите, какъ эти цвѣты завянутъ, листья исчахнутъ и сама вѣтвь сдѣлается не больше, какъ сухимъ и хрупкимъ кускомъ дерева, отъ котораго могутъ остаться у васъ въ рукахъ одни только обломки и прахъ! Такова, дѣйствительно, неизбѣжная участь философіи, когда она отрѣшается отъ Религій. Сегодня, когда она только-что отдѣлилась отъ Религій, она еще опирается на удовлетворительности тѣхъ истинъ, какія вынесены ею изъ области Религій, и относительно которыхъ она считаетъ себя самовластною обладательницею. Завтра она же первая готова обратить въ вопросъ эти самыя истины, разорвать ихъ одну отъ другой, развѣять сом-

нѣнемъ, такъ что въ нихъ не сохранится ничего, не говорю, уже отъ Религiи, но и отъ философiи, разрушающей такимъ образомъ собственными руками побудительную причину своего отдѣленiя отъ Религiи.

Итакъ, вѣра не только не исключаетъ дѣятельности разума, а, наоборотъ, она служитъ для него животворнымъ началомъ, пробуждающимъ его къ дѣятельности, поддерживающимъ и направляющимъ его на всѣхъ путяхъ къ познанiю истины; и если мыжелаемъ оставаться философами, то должны всегда оставаться вѣрующими.

2. Эта важная истина, столько понятная и такъ очевидно и легко доказываемая,—какъ это мы видѣли, со стороны теоретической,—ясно подтверждается фактами. Она можетъ быть подтверждена съ двухъ сторонъ: и впервыхъ очевидною утратою религiозной и нравственной истины, послѣдовавшей за *освобожденiемъ разума отъ авторитета религiознаго*. Эта утрата, при полномъ свѣтѣ Христiанства и при полнотѣ научнаго просвѣщенiя и образованности, дошла до объденiя разума чловѣческаго, гораздо большаго, чѣмъ это было тогда, когда Христiанство только-что обнимало чловѣчество и тотчасъ стало разгонять въ мiрѣ нравственномъ весь мракъ язычества. И если есть картина достойная жалости, то это—картина, изображающая въ настоящее время философию нашего вѣка. Можно ли этому жалкому суемудрiю усвоить самое названiе философiи? Не горькая ли насмѣшка надъ философиєю, когда ея священнымъ именемъ прикрываютъ чудовищную смѣсь самыхъ противорѣчивыхъ истинъ, которыя сходны между собою въ одномъ разрушительномъ сомнѣнiи (скептицизмъ)

мѣ), въ бездну котораго все онѣ бросаются съ такою поспѣшительностію? Какой фактъ менѣе, чѣмъ этотъ, имѣетъ нужду въ доказательствахъ? Предположимъ, что я лишенъ евангельскаго просвѣщенія, и что какою нибудь новымъ Анахарсисъ по духу школы этой философіи желаетъ преподавать мнѣ истины, потребныя для моего образованія. Боже праведный! какой *катихизисъ* могъ бы я составить изъ тѣхъ разнообразныхъ отвѣтовъ, какіе пришлось бы мнѣ выслушать отъ моего учителя! Сколько униженія и оскорбленія долженъ вытерпѣть разумъ въ подобной школѣ! Я даже задаюсь вопросомъ: не предположено ли здѣсь отбить у меня навсегда охоту заниматься изслѣдованіемъ истины? И все эти философы не добровольныя ли жертвы, обрекшія себя на то, чтобы обнаружить всю жалкую бѣдность нашей разумной природы,—жертвы, подобныя тѣмъ пьянымъ рабамъ, которыхъ въ безобразномъ видѣ пускали по улицамъ Спарты, съ тою цѣлію, чтобы свободнымъ гражданамъ внушать воздержаніе и умѣренность? Съ этимъ можно согласиться; и никогда философія не переносила болѣе кроваваго оскорбленія. И между тѣмъ,—не слыханное дѣло, — никогда не защищали ее правъ съ большею настойчивостію, какъ съ той поры, когда она оказалась въ такомъ униженіи. Справедливо, что этихъ философовъ слушаютъ съ особеннымъ вниманіемъ, и что они представляются сосредоточенными въ исканіи истины, не столько впрочемъ для того, чтобы найти ее, сколько для удовольствія, происходящаго отъ этого занятія самаго по себѣ; а о направленіи и значеніи этого занятія не стоитъ и заботиться, если только съ заботливостію не стараются избѣгать того направле-

нія, которое могло бы привести къ концу, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось бы нужнымъ успокоиться (*).

Между тѣмъ потребность такого успокоенія, какъ драгоценнѣйшаго блага души человѣческой, даетъ себя чувствовать въ ея сокровеннѣйшей глубинѣ; но что же бываетъ? Когда истина, это сладостное изголовье души, теряется изъ виду этой лихорадочной дѣятельности разума, разумъ бросается наконецъ въ разрушительное сомнѣніе (скептицизмъ); это, конечно,—успокоеніе, но только смертельное, тогда какъ вѣра доставляетъ успокоеніе животворное.

Вотъ до чего доводитъ эта философія разумъ, когда онъ оставляетъ вѣру, увлекаясь ложнымъ обѣщаніемъ найти блаженство въ самодѣятельности, что говоритъ онъ,—вѣра запрещаетъ ему (**).

Справедливо ли это послѣднее мнѣніе и предоставляется ли разуму право выбора между двумя родами запрещенія? Нѣтъ; это отчаянное заблужденіе мы рѣшились подорвать, опровергая положеніе

(*) Эту философію вполне справедливо опредѣляетъ Бернадъ, называя ее *искусствомъ искать истину и никогда не находить*, потому что какъ только нашли бы ее, перестали бы искать, т. е. *философствовать*. Такимъ образомъ рационалисты въ дѣлѣ познанія человѣческаго тоже, что алхимики; они, вмѣсто того, чтобы принять и пользоваться истиною, хотятъ выработать истину, какъ алхимики хотѣли добывать золото изъ разныхъ веществъ, и, подобно имъ, раззоряются на это исканіе новаго камня *философскаго*.

(**) Припомнимъ здѣсь плачевное признаніе Жюфруа, приведенное въ первомъ томѣ этихъ размышленій (Книг. 11, гл. 6-я).

порицателей Христианства и, въ свою очередь, утверждая, что философія, стоящая во враждебномъ отношеніи къ вѣрѣ, неизбежно ведетъ къ *умственному бездѣйствію*, порождаемому сомнѣніемъ (скептицизмомъ), и что если разумъ хочетъ возвратить себѣ свои права и вступить въ свойственную ему область дѣятельности благородной, широкой, *философской*, ему необходимо обратиться къ вѣрѣ; потому что въ этомъ случаѣ онъ можетъ обладать покоемъ и дѣятельностію, вполне соответствующими силамъ каждаго разумнаго существа. Въ этомъ случаѣ онъ будетъ заниматься не безплоднымъ исканіемъ истины, а пользованіемъ данною, готовою истиною. Онъ будетъ имѣть ее прежде всего, и притомъ будетъ имѣть изъ первой руки, изъ той единственной руки, которою она исключительно подается,—изъ руки самаго Бога; ибо *истина Божественна, и не добывается нами, а даруется намъ*. Это чувство и сознание обладанія истиною, несомнѣнная увѣренность въ истинѣ могутъ сами собою доставлять душѣ, даже и въ состояніи простой вѣры, наслажденіе внутреннею жизнію, столь чистое и полное, какого никогда не могутъ доставить никакія философскія пологрѣванія. Впослѣдствіи на этомъ прочномъ основаніи разумъ можетъ и собственною самодѣятельностію уяснить своему сознанію и разумѣнію принятую истину по мѣрѣ своихъ силъ и ихъ проникаемости; при чемъ всегда бываетъ такъ, что и самые великіе гении постоянно пользуются возможностью дѣлать новыя открытія на поприщѣ истины, поражающія ихъ самихъ благоговѣйнымъ удивленіемъ, и самые молодые умы могутъ составлять раздѣльные понятія о томъ или другомъ отношеніи той-

же истины и утверждаться въ ней; такъ что все вообще, искреннею вѣрою держаея истины Божіей, подобно планетамъ различныхъ орбитъ, вращаются около нея, какъ средоточнаго своего солнца, пользуясь притомъ преимуществвомъ дѣйствовать своими удѣльными силами, не подвергаясь опасности впасть въ заблужденіе и наслаждаясь покоемъ въ дѣятельности и дѣятельностію въ покой.

Эту истину мы старались уяснить теоретически. Но такъ какъ теоріи этой служить доказательствомъ и фактъ умственного истощанія, до котораго доводитъ философія, враждебная вѣрѣ; то мы постарались подтвердить эту теорію также фактомъ животворной дѣятельности, которую обрѣтаетъ философія, когда она состоитъ въ неразрывной связи съ вѣрою.

Намъ казалось, что лучшее доказательство этой важнѣйшей истины, какое мы могли бы представить людямъ, хотя заблуждающимъ, но не потерявшимъ еще искренности, и лучшей способъ вразумленія и обращенія ихъ отъ заблужденія, состоитъ въ томъ, чтобы намъ самимъ вмѣстѣ съ ними представить такой образъ дѣятельности разума относительно каждаго отдѣльнаго предмета нашей вѣры, со всемъ вниманіемъ разсмотрѣть все эти предметы, не исключая даже и самихъ таинственныхъ изъ нихъ, съ перваго раза подавляющихъ разумъ, и не отступая ни на шагъ отъ самой строгой положительности православія, показать разуму богатѣйшіе и плодотворнѣйшіе предметы духовнаго наслажденія, достойные всякаго благоговѣйнаго удивленія съ его стороны. — Это самое мы и хотѣли выполнить въ этой второй части нашихъ размышленій о Божественности Хри-

стіанечой Религій, поставивъ себѣ задачею — изъ самаго содержанія ея вывести *внутренній доказательства* ея Божественнаго происхожденія.

3. Хотя при скудости нашихъ средствъ не вполне раскрыты важность и высокое значеніе нашей задачи, но мы увѣрены, что успѣли: во-первыхъ сообщить достаточныя свѣдѣнія о христіанскомъ ученіи, во вторыхъ показать, что изслѣдованіе объ этомъ ученіи представляетъ настоящую почву философіи, и, въ третьихъ, извлечь изъ этого ученія доказательства его Божественнаго происхожденія.

Эти три добытыя изъ нашихъ изслѣдованій положенія входятъ одно въ другое. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

а) Познаніе православнаго ученія Церкви какъ будто вычеркнуто изъ числа предметовъ, достойныхъ занять вниманіе образованныхъ людей нашего вѣка; а между тѣмъ никогда съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ теперь, не высказывались рѣшительныя приговоры объ немъ, какъ будто бы незнаніе служитъ авторитетомъ заблужденію. Многие знаютъ буквально это ученіе, а между знающими его букву очень мало понимающихъ его духъ. Привести въ извѣстность это ученіе, объяснить его — значитъ уже разогнать призраки, съ которыми возставали противъ него разные предразсудки, и дать возможность, какъ бы изъ-за облаковъ, возсіять вновь свѣту его истинъ, столь долго бывшему закрытымъ. Не вѣра—слѣпа, а незнаніе того, чему должно вѣровать, дѣлаетъ людей слѣпыми по отношенію къ вѣрѣ. На счетъ этой послѣдней мысли мы полагаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее объясненіе. Существенное свой-

ство Христіанской истины, о которомъ мы уже говорили, то, что она, оставаясь тождественною и всегда самой себѣ равною, доступна и способна удовлетворять различнымъ степенямъ развитія человѣческаго разума и раскрываетъ предъ нимъ тѣмъ болѣе доказательствъ и отношеній, чѣмъ болѣе онъ становится способнымъ обнимать ихъ и понимать ихъ силу и значеніе. Поэтому, когда эта истина постоянно господствуетъ въ душѣ, она въ нашемъ сознаніи развивается и расширяется вмѣстѣ съ развитіемъ душевныхъ способностей, освѣщаетъ своимъ свѣтомъ все познанія, входящія въ ея область, и сама становится свѣтлѣе; обогащается всѣми сокровищами опыта, пріобрѣтенными разумомъ, крѣпнеть соответственно зрѣлости и силѣ размышленія, къ которому становится способнымъ разумъ, и, какъ онъ, становится зрѣлою; даже если бы дано было человѣку переступить за предѣлы своихъ естественныхъ познаній, переступила бы и она вмѣстѣ съ нимъ, потому что она собственнымъ содержаніемъ можетъ сообщать безпредѣльное свойство познаніямъ человѣческимъ. Но если, напротивъ, случается, что истина Христіанская, познанная и служившая правиломъ жизни въ дѣтствѣ, по прошествіи этого юнаго возраста, вмѣстѣ съ нимъ отставляется въ сторону, и тогда какъ разумъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ продолжалъ развиваться и укрѣпляться, обогащаясь всякаго рода познаніями, познаніе объ истинѣ Христіанской оставалось на той же степенн, какъ пріобрѣтено въ дѣтствѣ; то хотя это познаніе и было достаточно для того возраста, въ которомъ оставлено, въ послѣдствіи оно уже становится неудовлетворительнымъ по причинѣ не-

соотвѣтствія своего тѣмъ успѣхамъ, какіе послѣ того сдѣланы разумомъ безъ участія и независимо отъ истины Христіанской. Въ сравненія съ приобретенными богатствами познанія и развившимися силами разума, эта истина представляется уже скудною и уничиженною, и, бывши прежде извѣстною, станѣвится неизвѣстною, хотя она только оставлена, или лучше, потому что она осталась въ томъ видѣ, какъ была познана давно. Тогда судятъ объ ней со всею ученою взыскательностію и произносятъ противъ нея приговоръ, какъ о познаніи неподвижномъ, т. е. тѣмъ болѣе не знаютъ и не понимаютъ ея, чѣмъ болѣе бываютъ учены и образованы относительно другихъ истинъ. Въ этомъ случаѣ съ истинною Христіанскою бываетъ тоже, что съ домами, оставленными послѣ дѣтскаго возраста и которые представляются малыми и бѣдными для глаза, привыкшаго видѣть дома большихъ размѣровъ и съ роскошнымъ убранствомъ.

Это пагубное обольщеніе служитъ главнымъ источникомъ религіознаго невѣжества въ нашемъ вѣкѣ. Сказанное нами о личномъ разумѣ отдельнаго человѣка имѣетъ полное примѣненіе къ разуму человѣческому, принимаемому въ собирательномъ значеніи. Безъ сомнѣнія, очень многіе забыли или даже вовсе не имѣли никакихъ свѣдѣній о Религіи Христіанской; потому что пресметвенная связь преданія о ея истинахъ и правилахъ разорвана въ нашей жизни, и между нами и предками нашими по вѣрѣ изрыта нечестіемъ бездна религіознаго невѣжества. Но еще, быть можетъ, хуже этого — то, когда личности, которыя были оставлены и сохраняли нѣкоторыя свѣдѣнія от-

носителю Христіанской истины, оставшіяся послѣ дѣтскаго возраста безъ всякаго развитія, не сознають и не хотятъ признавать этого относительнаго невѣжества, о которомъ мы выше сказали, и которое гораздо хуже рѣшительнаго и полнаго незнанія, по той простой причинѣ, что оно само себя не сознаетъ и считаетъ себя вправѣ, съ высоты науки человѣческой, произносить приговоръ относительно вѣры дѣтской.

И, къ несчастію, надобно признаться, случилось именно то, что эта вѣра отодвинута была въ ту пору, когда разумъ человѣческій, усилившись поступившими въ его распоряженіе огромными сокровищами науки, бросился на попріице открытій и познаній человѣческихъ, и вѣкъ просвѣщенія, послѣдовавшій за вѣкомъ нечестія, относительно религіозной истины сдѣлался вѣкомъ мрака, варварства и невѣжества. Отъ чего это такъ случается? Отъ того, что тѣ самыя личности, которыя хвалятся, что твердо хранятъ въ памяти истины религій, разумѣется, приобрѣтенныя въ дѣтствѣ, не знаютъ, куда дѣваться отъ изумленія, когда имъ объясняютъ и указываютъ, что должны быть необходимыя отношенія и согласіе между этими истинами и нашими идеями и нравственною жизнію нашею, чего они и не подозревали. Въ этомъ случаѣ они уже не узнають себя и своихъ отношеній къ религій; это, говорятъ, уже не та религія. И вмѣсто того, чтобы винить себя въ непониманіи религій, они взваливаютъ вину на *новый духъ* времени и защищаются православіемъ Религій Христіанской, отъ котораго они уклонились. Нѣтъ, не Религія Христова измѣнилась по духу времени, а вы и вашъ разумъ по духу міра. Все, что ука-

зывается вамъ новаго въ отношеніяхъ вашихъ къ этой Религіи, было въ ней всегда, но только сокрыто; такъ какъ все это раскрывается для насъ только подъ условіемъ расширенія и просвѣтлѣнія взора ума человѣческаго. Сколько и теперь еще сокрыто другихъ отношеній ея къ нашей жизни, которыя будутъ раскрыты въ послѣдствіи,—и такъ далѣе! Религія Христіанская поставляетъ насъ въ общеніе съ Богомъ, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ способности и готовности каждаго изъ насъ, постепенно возводить насъ отъ свѣта къ свѣту и на вѣки соединить съ самимъ Источникомъ свѣта.

Безъ сомнѣнія, этого взгляда и этихъ соображеній не слѣдуетъ простираť до того, что бы составлять изъ нихъ систему, съ преувеличеніемъ успѣховъ, какіе мы можемъ совершить, углубляясь въ Божественныя истины Христіанства. Но, и при строгомъ соблюденіи границъ опыта, позволительно утверждать, что всякое развитіе духа человѣческаго, свойственное тому или другому времени, всѣ открытія, сдѣланныя въ наукахъ, все, что при успѣхахъ просвѣщенія разумомъ понято и усвоено, всѣ сжившіяся съ нашими нравами улучшенія во взаимныхъ отношеніяхъ,—все это показываетъ, что истина Христіанская сама по себѣ способна стоять въ согласіи и связи со всѣми этими жизненными явленіями, представляющими столько предметовъ для новыхъ наблюденій, могущихъ служить источникомъ новаго развитія умственнаго, при которомъ разумъ въ состояніи будетъ проникнуть еще глубже въ истину Христіанскую. Ибо отъ нея и зависитъ самое расширеніе взора умственнаго, дающее намъ возможность болѣе и болѣе обнимать и уяснить ее себѣ, и при ея

только озареніи мы видимъ и самый ея свѣтъ. Вы такъ видѣ хотѣлось намъ представить Христіанство, примѣняя къ его ученію свойственную нашему времени степень воззрѣнія философовъ. Намъ хотѣлось передать понятія о Христіанствѣ соответственно въ всѣмъ требованіямъ настоящаго духа времени и по его способу воззрѣнія разсматривать предметы. Чтобы вѣрнѣе достигнуть предложенной цѣли, намъ надлежало постоянно имѣть въ виду означенныя требованія и имѣть неизмѣнность истины Христіанской, чтобы ни малѣйше не сдвинуть ее съ неподвижнаго средоточія ея православія. Достигли ли мы этого? Имѣемъ въ некоторую увѣренность въ этомъ; думаемъ, что нами указанъ по крайней мѣрѣ путь, которымъ можно достигнуть этого.

Но чрезъ это самое мы достигли втораго изъ вышеуказанныхъ успѣховъ нашего труда, показавъ наглядно, что изслѣдованія о Религіи Христіанской составляютъ наилучшую, и истинную почву философіи. Если подѣл понятіемъ философіи разумѣть посвященіе силъ духа человѣческаго по званію истины въ видахъ добродѣтели; то что болѣе достойно имени истиннаго любомудрія, чѣмъ эти различныя виды и надежды, представляющіяся умственными взорами въ нашемъ обозрѣніи всѣхъ истинъ Христіанскихъ? Обращаюсь къ справедливому сужденію всякаго безпристрастнаго читателя, — можно ли представлять Христіанство ограничивающимъ и стѣсняющимъ разумъ? Припомните каждое изъ нашихъ изслѣдованій, вошедшихъ въ эту вторую часть, и какъ съ самаго начала развивались предъ нашими взорами и различѣли всѣ

эти разсужденія со всѣми ихъ отношеніями и взаимными разъясненіями; одно богаче другого, взаимно рождаясь одно отъ другаго и переводя разумъ отъ удивленія къ удивленію, подобно тому какъ на высокомыслѣ, котораго поверхность усѣяна скалами и роцями, на каждомъ шагу открываются между ними новые виды, за каждымъ препятствіемъ готовится новое удовольствіе, на каждый взглядъ представляется новая картина.

Конечно, мы не имѣли притязанія найти Божественную истину саму въ себѣ; такое притязаніе безумно, и мы его оставляемъ на долю рационалистической философіи. По нашему убѣжденію, которое мы уже не разъ высказали, Божественная истина стоитъ за предѣлами естественныхъ способностей разума человеческого. Разумъ самъ собою не можетъ открыть ее; онъ можетъ только принимать и усваивать ее себѣ и, притомъ, съ помощію ея же самой, чрезъ откровеніе, сообщаемое ему ея же свѣтомъ.

Но когда эта истина, по ея откровенію, бываетъ принята въ рою, тогда разуму человеческому позволительно заниматься изслѣдованіемъ ея, чтобы сколько доступно ему, понять и усвоить ее себѣ собственнымъ разумніемъ, раскрыть ея отношенія, слѣдствія, примѣненіе къ жизни. Это собственное поле истинной философіи, и, по истинѣ, оно очень обширно, очень достойно нашего разума.

Обратите вниманіе на то, что и сама рационалистическая философія, вопреки собственному притязанію, поступаетъ такимъ же образомъ относительно того, что есть въ ней действительнаго и истиннаго. Все, что она действительно знаетъ и говоритъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и ихъ отношеніяхъ,

пнхъ, не ею самою открыто, но замѣтено и усвоено ею, такъ же какъ и нами. Если бы, напримѣръ, спросили у нея, въ какую именно пору открыла она истину бытія Божія, истину духовности и безсмертія души человѣческой и проч., она поставлена была бы въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Всѣ эти истины она приняла какъ данныя, и только на основаніи этого каритальнаго задатка трудится надъ тѣмъ, чтобы понять и уяснить отношенія этихъ истинъ къ природѣ человѣческой и оправдать ихъ гармоніею этихъ отношеній. Вся разность между этой философіею и нашею состоитъ въ томъ, что она способна только терять эти истины, поддѣлывая и подвергая ихъ порчѣ. И это понятно: разумъ, заключающій въ своей ограниченности причину того, что мы сами собою не можемъ открыть этихъ истинъ, одинаково служитъ причиною и того, что мы не можемъ понять ихъ всецѣло. Отсюда выходитъ, что если мы единственнымъ основаніемъ допущенія этихъ истинъ принимаемъ одно только личное разумѣніе ихъ, онѣ по необходимости должны въ какую либо пору ускользнуть отъ насъ; потому что какая бы ни была причина непониманія ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть уже причина или недопущенія ихъ, или измѣненія ихъ примѣнительно къ нашему пониманію. И это еще не все. Такъ какъ существенное свойство раціоналистической философій состоитъ въ томъ, что она ограничивается только однимъ личнымъ пониманіемъ, а въ основаніи этого характера ея лежитъ честолюбивое притязаніе завоевать истину, не съ тѣмъ, чтобы покоряться истинѣ, а чтобы покорить ее себѣ; то надъ этою философіею сбывается тоже, что бы-

ваетъ со всѣми честолюбимцами и завоевателями: она за ничто считаетъ блага, которыми уже владѣеть, — я разумѣю основанія къ допущенію истины, которыми она пренебрегаетъ потому только, что онѣ неполны. Будь хоть одна сторона, по которой извѣстная истина не поддается пониманію этой философіи, она устремляется противъ этой стороны со всѣми своими силами, преувеличиваетъ важность этого дѣла, съ удовольствіемъ поднимаетъ противъ нее всѣ сокровища своего разумнія и доходитъ до того, что теряетъ все по отношенію къ преслѣдуемой истинѣ, даже здравый смыслъ человѣческой, и у нея ничего не остается кромѣ разрушительнаго сомнѣнія (скептицизма); такъ что, слѣдуя принятому ею закону, она, желая сама по себѣ понять все, не усвоитъ ничего, даже истины самой общенародной. Изъ этого оказывается, что эта философія не больше какъ тщеславное ничтожество.

Напротивъ, философія вѣрующая, рѣшительнымъ основаніемъ принатія Божественной истины поставляя вѣру въ ея откровеніе, занимается изслѣдованіемъ ея не иначе, какъ положивши въ основаніе своего дѣла скромность и довѣрчивость. Она не смущается, когда въ этой истинѣ оказываются стороны таинственныя, и старается объяснять ихъ съ крайнею осторожностію, принимая и то, что есть въ извѣстныхъ истинахъ неяснаго и непостижимаго, изъ уваженія къ нераздѣльной ихъ сторонѣ, свѣтлой и проливающей свѣтъ на многое. Этою противоположностію она и отличается отъ всѣхъ ложныхъ системъ религіозныхъ и философскихъ, которыя вообще не правы въ томъ, что отвергаютъ и ясное изъ отвращенія къ тому,

что есть непонятнаго въ известной истинѣ. Сосредоточивая силы свои на сторонахъ истины болѣе понятныхъ, она рѣшаетъ вопросы о нихъ, безъ предубѣжденія, принимаетъ добытыя рѣшенія, сближаетъ ихъ одни съ другими и выводитъ новыя рѣшенія. Даже тѣ стороны, которыхъ она нѣсколько не принимаетъ и отъ пониманія которыхъ отказывается, служатъ ей могущественнымъ пособіемъ для уразумѣнія другихъ окружающихъ ихъ сторонъ, доступныхъ пониманію нашему; потому что, если онѣ сами по себѣ не имѣютъ значенія въ смыслъ пониманія, за то имѣютъ значеніе въ смыслъ достовѣрности, простирающей свое вліяніе на (окружающіе) ихъ предметы, значеніе предметное, которымъ опредѣляются ихъ отношенія, и которое далеко бросаетъ лучи свѣта, подобныя лучамъ солнечнымъ, проскользающимъ изъ-за-мрачнаго облака и указывающимъ на дискъ свѣтила, хотя и не показывающимъ его самого. Такъ какъ эта философія, подъ знаменемъ вѣры, обнимаетъ собою все зданіе откровенной науки, то она часто открываетъ въ таинственныхъ отношеніяхъ частей зданія такой свѣтъ, котораго онѣ сами по себѣ не имѣютъ, но который плѣняетъ и удовлетворяетъ ее, освѣщая предъ ея взорами глубоко связанный планъ, носящій въ самомъ себѣ собственное оправданіе.—Пониманіе въ этомъ случаѣ служитъ подкрѣпленіемъ вѣры, а вѣра, въ свою очередь, обратно дѣйствуетъ на пониманіе; такъ какъ ничто столько не придаетъ крѣпости и бодрости силамъ разума, какъ увѣренность, что онѣ употреблены правильно; вѣра даетъ имъ направленіе, сосредоточиваетъ ихъ, возбуждаетъ ихъ дѣятельность, соответствуетъ имъ какъ бы

помимо тайны и часто оканчивается тьмъ, что способствуетъ имъ проникать въ тайну. И такъ какъ върь свойственно пользоваться всеми силами души; то не одинъ разсудокъ, но вмѣстѣ совѣсть и нравственнае чувство, сердце и воображеніе, словомъ все способности душевныя приводятся въ дѣйствіе, чтобы уловить свѣтъ истинны, съ какой бы стороны онъ ни являлся, и передавать его взаимно другъ другу.—Ко всему этому надобно прибавить еще и то, что эта философія нескороспѣла подобно философіи рационалистической, вслѣдствіе одной поспѣшности, поставляющей себя въ опасность подвергаться обману и заблужденіямъ; а если она и ошибается иногда, ея погрѣшности не смертельны; потому что она уже обладает тьмъ, чего другая только ищетъ и добивается, увѣренностію,—и можетъ улучшить время, чтобы на этомъ основаніи поднять и исправить по своему усмотрѣнію зданіе собственнаго вѣдѣнія, зданіе, надъ которымъ она трудится всю свою жизнь, къ которому каждый день прикладываетъ какой нибудь камень, и которое хотя здѣсь на землѣ не возводится до своего свода, но и за всемъ тьмъ красивѣе, прочнѣе и существеннѣе тѣхъ мечтательныхъ системъ, которыя плаваютъ на облакахъ мысли въ продолженіе дня, а ночью разносятся повсюду поднявшимися съ вечера вѣтромъ.—Наконецъ послѣдняя характеристическая черта философіи вѣрующей, безъ которой и самое наименованіе философіи бываетъ только пустымъ именемъ, есть та, что она по преимуществу философія практическая; потому что она стремится къ добродѣтели. Она старается не разсматривать только и изслѣдывать истину, но и

выполнять ее, и, выполняя эту главную цѣль любомудрія, она доставляетъ для разумнѣя ея совершенно особья основанія, прямо ведущія къ познанію путемъ внутренней наглядности, какъ засвидѣтельствоваль объ этомъ самъ Христосъ Спаситель своимъ непреложнымъ словомъ: *творѣи истину, грядетъ къ свѣту.* (*)

Вотъ истинная философія. Что бы заградить уста отрицающимъ ея существованіе, мы поступили, какъ Зенонъ,—употребили ее въ дѣло, показали ее на самомъ дѣлѣ въ настоящихъ изслѣдованіяхъ о внутреннихъ доказательствахъ Божественности Христіанской Религіи. Благоразумію и безпристрастію читателей предоставляется теперь произнести рѣшеніе относительно спора между нами и нашими порицателями.

в) Наконецъ, если отрѣшиться отъ этого философскаго труда, сколько возможно, вѣру, служившую при немъ главною руководительницею,—въ этомъ мы ссзнаемся и поставляемъ лучшее его достоинство,—и по впечатлѣнію, какое онъ производилъ на насъ, судить о томъ, какое должемъ онъ производить впечатлѣніе на всякаго читателя, любящаго истину; то благотворнымъ слѣдствіемъ и плодомъ его должно быть уѣбденіе въ Божественности Христіанской Религіи.

Твердости и силы этого вывода, судя философски, не въ состояніи ослабить та мысль, что въ этомъ трудѣ главною руководительницею была вѣра ибо между вѣрою этою и предполагаемымъ невѣріемъ читателя мы всегда поставляли здравое разсужденіе и только такимъ разсужденіемъ старались произвести въ немъ убѣденіе. Безъ сомнѣ-

(*) Иоан. 3. 21.

нія, разсужденіе наше въ этомъ случаѣ было одушевляемо нашею вѣрою; но чтожъ изъ этого? Уже ли слѣдуетъ поэтому осудить на изгнаніе вѣру, когда обсуждается дѣятельность разума, одушевляемаго ею? Не наоборотъ ли? Не составляетъ ли одного изъ сильнѣйшихъ доказательствъ ея Божественнаго достоинства ясное показаніе того, что она рождаетъ такіа разсужденія и такое пониманіе дѣла, придаетъ какъ бы крылья разуму и возводитъ его на такіа высоты, которыя недоступны ему при однихъ естественныхъ силахъ? Впрочемъ, храня вѣру во глубинѣ души нашей и даже нѣкоторымъ образомъ охлаждая горячіе порывы ея, въ соотвѣтствіе равнодушію и холодности, какія она могла бы встрѣтить, мы всегда предносылали и вытекающія изъ нея разсужденія, давали этимъ разсужденіямъ полный ихъ философскій ходъ, и только тогда, когда намъ казалось, что они достигли такого развитія, при которомъ могутъ производить въ другихъ дѣйствіе убѣжденія, соотвѣтствующаго нашей вѣрѣ, мы поставляли наружу эту вѣру, какъ движущее начало нашихъ усилій и конецъ нашихъ надеждъ.

Но къ чему все эти оправдательныя объясненія? Не станемъ принимать столько предосторожностей, не будемъ питать столько недовѣрія противъ ученія, столь долгое время подвергавшагося нападенію и прерѣканіямъ, и до такой степени, судя по человѣчески, обезоруженнаго, какъ ученіе Христіанское, въ наши дни. Если оно достигаетъ того, что своимъ дѣйствіемъ на насъ дастъ намъ чувствовать его истинность, согласимся, что намъ надобно скорѣе стать на его сторону, а не унижать его; согласимся, что эта неразумная почва

предрасудковъ, холоднаго равнодушія, если не непріязни, питаемыхъ столь долгое время противъ этого ученія, сама собою уничтожаетъ мнимо-законную важность ихъ, а насъ дѣлаетъ должниками противъ справедливости и безпристрастія въ отношеніи къ этому ученію и даже въ отношеніи къ намъ самимъ; потому что интересъ истины есть нашъ собственный и драгоценный интересъ.

Итакъ, безъ задней мысли оцѣнимъ заключительный выводъ нашего труда.

Въ противоположность тому, что имѣетъ мѣсто въ системахъ человѣческихъ, намъ нѣтъ надобности трудиться здѣсь надъ составленіемъ этого вывода: онъ самъ собою вытекаетъ изъ каждой главы, изъ каждой страницы нашихъ изслѣдованій; такъ живы и многочисленны источники его. Въ Религіи Христіанской, такъ же, какъ и въ природѣ, всякій предметъ открываетъ премудрость Божию. Нѣтъ надобности далеко ходить для изученія природы, ни прибѣгать къ слишкомъ искусственнымъ приѣмамъ и методамъ, что бы находить въ ней дѣйствіе Верховнаго Разума: первый встрѣтившійся предметъ,—былинка какого нибудь растенія, цвѣтокъ являются краснорѣчивыми свидѣтелями о Немъ; и трудно было бы сказать, гдѣ больше отражается безпредѣльная премудрость и всемогущество Божества въ глазѣ ли клеца или въ величественномъ солнцѣ? Но тоже самое надобно сказать и о Христіанствѣ. На каждомъ шагу нашихъ изслѣдованій мы также приходили къ заключенію, что Религія Христіанская есть дѣло Божественнаго Разума; вездѣ въ каждомъ предметѣ мы открывали такое совершенство отноше-

ній и таю глубину вѣдѣнія, которыя далеко выходятъ за предѣлы нашего разума и даютъ ему испытывать тоже смѣшенное чувство стыда, изумленія и благоговѣнія, какое испытываетъ естествоиспытатель, когда въ предметахъ, которыхъ доселѣ не зналъ и которыми на основаніи общаго вѣрованія пренебрегалъ, ему удастся случайно открыть такія сокровенныя красоты, которыя поглощаютъ всю его мысль.

Есть и другая печать сходства дѣла Иисусъ Христова съ дѣлами Божіими, весьма поразительная и въ высшей степени отличающая его отъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Человѣкъ, жизнь котораго измѣряется днями, спѣшитъ довершить свое дѣло, при жизни своей дать ему полное развитіе, соотвѣтствующее его сущности, всячески заботится сообщить ему законный видъ со всѣми предосторожностями, потому что съ его смертію некому будетъ поддерживать и истолковать его мысль; и, не смотря на всѣ предосторожности, эта мысль очень скоро или забывается или извращается его преемниками. Богъ, вѣчный, дѣйствуетъ безъ поспѣшности, потому что Онъ всегда дѣйствуетъ. Онъ не спѣшитъ окончательнымъ образованіемъ своихъ произведеній, образованіемъ, напримѣръ, дерева: дерево всецѣло заключается въ своемъ зародышѣ и послѣдовательно образуется, повидимому, безъ предуготовленной для него формы; а между тѣмъ, не смотря на всѣ суровыя дѣйствія на него климатическихъ перемѣнъ, оно достигаетъ неуклонно совершеннаго развитія, свойственнаго его роду. Но и относительно дѣла Иисусъ Христова оказывается, что оно существуетъ въ мірѣ по такому же закону бытія. Иисусъ Христосъ не далъ ему самъ видимо окон

чательнаго образованія, прежде нежели прошла Его земная жизнь въ глазахъ людей; Онъ оставилъ свое дѣло въ зародыщѣ, повидимому, неопредѣленнымъ и только засѣяннымъ въ бесѣдахъ, преподаваемыхъ отъ Него ученикамъ; и, при взглядѣ на него въ этомъ первоначальномъ состояніи, безразсудно было бы съ одними силами и средствами человѣческими надѣяться, что бы это дѣло могло обратиться когда либо въ систему ученія, сдѣлаться извѣстнымъ для всѣхъ и устроиться въ такомъ строгомъ порядкѣ, не смотря на всѣ многообразныя бури, обрушившіяся на него при самой его колыбели. Но, поистинѣ, явленіе неизъяснимое; если не допустить въ немъ дѣйствія чрезвычайной силы Божіей, это ученіе поднялось подобно плодотворному зародышу; и хотя ничего не было передѣлано въ немъ, ни прибавлено къ нему, оно само собою взшло, произрасло, стало извѣстно всѣмъ, послѣдовательно развилось съ своими выводами и слѣдствіями,—выразилось со всею строгостію и опредѣленностію и явилось ни съ чѣмъ несравнимымъ по ясности и внутренней неразрывной связи. Какъ бы для большей полноты и очевидности чуда все это совершилось въ такомъ видѣ не только вопреки безпорядочнаго дѣйствія на него стихій, ему враждебныхъ, но даже подъ вліяніемъ ихъ разрушительнаго дѣйствія. Такъ положительно извѣстно, что именно ереси, возстававшія противъ вселенскаго ученія православной Церкви, послужили причиною этому ученію высказаться и выразиться послѣдовательно въ столькихъ членахъ символа вѣры, сколько было покушеній направленныхъ къ его извращенію и искаженію. И надобно остерегаться извѣстнаго об-

мана на счетъ этого факта,—для обличенія его на лице самая неоспоримая исторія,—эти члены составлены были не чрезъ прибавленіе къ Божественному ученію, но чрезъ раскрытіе и изъясненіе его содержанія, всегда во всей полнотѣ существовавшаго въ священномъ Преданіи и Писаніи и восходящаго такимъ образомъ прямо къ самому Іисусу Христу. Только на основаніи того, что уже существовало, что всегда сохранялось въ прежнія времена отъ начала, Церковь, хотя и послѣдовательно, произносила свои догматическія опредѣленія. Между членами нашей вѣры нѣтъ ни одного такого, который бы не былъ предметомъ вѣры всегда и вездѣ въ Церкви, и начало котораго можно было бы указать позднѣе временъ Апостольскихъ, и, слѣдственно, имѣющаго происхожденіе не отъ Іисуса Христа. Нѣтъ между ними ни одного такого, опредѣленное содержаніе котораго не оказывалось бы въ древнѣйшихъ памятникахъ, предшествовавшихъ составленію относительно его Церковію обнародованію въ опроверженіе *новизны*, покушавшейся на его извращеніе. Словомъ, Церковь не составляла новыхъ членовъ вѣры, когда издавала свои опредѣленія объ нихъ, она только сообщала имъ опредѣленную и точную гласность. Впрочемъ, господствующая во всей совокупности этого ученія удивительная связь, которая сама по себѣ уже составляетъ философское доказательство Божескаго достоинства Виновника этого ученія, отвергаетъ всякое предположеніе относительно развитія и окончательнаго образованія его чрезъ постепенныя прибавленія. Это было бы чудо еще большее, чѣмъ то, котораго не хотятъ допустить. Очевидно, что это дѣло не многихъ

лицъ, а одного, и притомъ дѣло неподражаемое и ни съ чѣмъ не сравнимое. Но какимъ же образомъ одинъ виновникъ этого дѣла могъ поднять его изъ того первоначальнаго состоянія, въ какомъ оно, по видимому, было оставлено, защитить его цѣлость и неприкосновенность, привести его въ стройную систему и сохранить неповрежденнымъ въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ даже до нашихъ дней? Тутъ, очевидно, участвуетъ сила и дѣйствіе самаго Бога; тутъ, очевидно, исполняется непреложное обѣтованіе Іисуса Христа: и *се Я съ вами во всю дни до скончанія вѣка*. Іисусъ Христосъ всегда пребываетъ неотлучно при Своемъ дѣлѣ, поддерживая и сохраняя его; а это и есть дѣйствіе Его, какъ Бога, непрестанно и вездѣ присущаго во вселенной.

Системы человѣческія, самымъ удачнымъ образомъ задуманныя, никогда не бываютъ свободны отъ какой либо слабой стороны, какой бы частный предметъ, болѣе или менѣе ограниченный, ни составлялъ ихъ задачу, таковы: у Платона его республика, у Декарта его вихри, у Лейбница—монады, у Малербранша—созерцаніе въ Богъ, и проч. Когда появлялись въ свѣтѣ эти системы, онѣ производили восторгъ, доходящій до послѣдней крайности, и именно своею мечтательною стороною; потому что эта сторона своею странностію разгорячала и обольщала воображеніе. Но время не замедлило обнаружить и показать со всею ясностію, что заключалось въ этихъ системахъ смѣшнаго, страннаго и погрѣшительнаго, и потомство, хладнокровно разсуждающее, видитъ въ нихъ не больше, какъ дань, великими философами заплаченную съ слабости разума человѣческаго. Нѣтъ ни-

чего подобнаго въ православномъ ученіи Христіанскомъ. Хотя ученіе это своимъ содержаніемъ обнимаетъ все, занимается изслѣдованіемъ бугристой и трудной почвы нравственной жизни человѣческой, чего съ такою осторожностію стараются избѣгать системы человѣческія; но и послѣ осьмнадцати вѣковыхъ опытовъ, самыхъ разнообразныхъ по отношенію ко времени и мѣсту, невозможно указать въ немъ, при всей обширности его содержанія, ни одного страннаго пункта, ни одной слабой стороны. Предпринимались усилія испровергнуть, или понять и усвоить его всецѣло; и когда принимались опровергать его, принуждаемы были отказываться отъ своего намѣренія, изъ опасенія не достигнуть никакого успѣха. *Реформація*, вмѣсто того, что бы уничтожить это многознаменательное замѣчаніе, представила собою только блестящее подтвержденіе его. Не смотря на всю силу страсти, съ какою она рѣшилась отыскать въ этомъ ученіи сторону, доступную уязвленію и пораженію, она не могла найти такой стороны; и это доказывается особенно чрезмѣрно безпорядочною наглостію ея нападеній, въ которыхъ она рубитъ безъ разбора что ни пошло, и ни поотношенію къ одному предмету не согласна сама съ собою, какой именно изъ нихъ отвергнуть и какой принять, а потому поставлена въ необходимость смотрѣть только, какъ они одинъ за другимъ ускользаютъ отъ нея, за то, что не хочетъ принять ихъ все.

Это еще не все: въ произведеніяхъ человѣческихъ и то, что есть хорошаго и совершеннаго, не въ одинаковой мѣрѣ бываетъ хорошо и совершенно; однѣ части произведенія бываютъ лучше дру-

гихъ; главною фигурою или предметомъ поглощаются вся заботливость при отдѣлкѣ, а второстепенные предметы, придаточныя части составляются болѣе или менѣе небрежно. И такого рода небрежность даже неизбежна въ дѣлахъ человѣческихъ; ибо слабость человѣка такова, что отсутствіе всякаго несовершенства въ произведеніяхъ его бываетъ часто положительнымъ несовершенствомъ; такъ какъ онъ, не имѣя возможности достигнуть совершенства безусловнаго, поставляется въ необходимость искать совершенства относительнаго и высказывать свое значеніе своими собственными недостатками. Въ великомъ дѣлѣ Иисуса Христа ничего нѣтъ подобнаго. Трудно было бы рѣшить, что въ немъ болѣе исполнено мудрости, и что менѣе,—такъ все въ немъ глубоко премудро. Когда всѣ составныя части ученія Его, одна за другой, изучены всесторонне и отчетливо, различіе между ними по важности, которою онѣ, казалось, отличаются однѣ отъ другихъ, сглаживается,—сверхъ чаянія открываются новыя отношенія, неожиданныя совершенства; и тутъ-то отступаешь назадъ, вполне предаешься удивленію, уже не замѣчаешь предѣловъ, теряется изъ виду всякая мѣра для опредѣленія относительнаго совершенства всѣхъ частей его, всѣ онѣ представляются проникнутыми одною и тою же премудростію,—безконечною премудростію Божіею.

Другое свойство системъ человѣческихъ заключается въ томъ, что онѣ съ перваго раза плѣняютъ и увлекаютъ, отъ того что все въ нихъ приспособлено къ естественнымъ воззрѣніямъ человѣческаго разума. Въ ученіи Христіанскомъ на оборотъ. Первое движеніе сознанія духа человѣческа-

го оказывается здѣсь то, что онъ ничего не понимаетъ въ этомъ ученіи, которое представляется ему оскорбительнымъ и даже смѣшнымъ; такъ отличенъ отъ разума нашего разумъ, господственно присущій этому ученію. Это и должно быть, если въ немъ присущъ разумъ Божественный; потому что нашъ разумъ, по сравненію съ разумомъ Божиимъ, слишкомъ немощенъ и, при его поврежденіи, первая встрѣча его съ разумомъ Божественнымъ, естественно, должна сопровождаться для него болѣзненнымъ раздраженіемъ, подобно тому, какъ для больного глаза — встрѣча съ полнымъ дневнымъ свѣтомъ. Но, — чудное дѣло, — чѣмъ болѣе разумъ человѣческой поставляетъ себя предъ лицомъ этого ученія въ состояніи смиренія, простоты, самособранности, недоувѣрія къ самому себѣ и съ добрымъ расположеніемъ воли — принять это ученіе, если оно Божественно; тѣмъ болѣе примѣчаетъ въ немъ порядка, соразмѣрности и связи въ частяхъ, силы и премудрости глубокой, безпредѣльной во всѣхъ отношеніяхъ. Предъ нимъ раскрывается совершенно новый міръ, посвящающій его въ свои таинственныя сокровища; тамъ, гдѣ сначала онъ видѣлъ только какія-то запутанныя и часто нелѣпыя загадки, онъ видитъ, какъ мало по малу показываются одна за другою истины отрадныя и утѣшительныя; видитъ, какъ онѣ развиваются и даютъ возможность изъ ихъ сущности возникать другимъ истинамъ еще болѣе утѣшительнымъ, которыя сами собою переносятъ его къ другимъ, — и такъ далѣе безъ конца; замѣчаетъ, что онѣ находятся во взаимномъ соотвѣтствіи, одна другою освѣщаются и удивительнымъ образомъ переплетаются между собою. Ему недостаетъ

времени собрать ихъ во едино и дать себѣ отчетъ объ нихъ; онѣ оспариваютъ другъ передъ другомъ его изумленіе и удивленіе, разомъ представляютъ его сознанию столько разнообразныхъ отношеній, касающихся самыхъ различныхъ предметовъ, что у него не можетъ доставать на все это вниманія, онѣ изнемогаютъ; и изъ всѣхъ словъ представляющихся ему для выраженія того состоянія, какое онѣ испытываетъ, находятъ только одно вполне ему соответствующее слово:—*это Божественно*. Такимъ образомъ разумъ переходитъ отъ восхищенія къ простотѣ вѣры.

Безъ сомнѣнія, непостижимое продолжаетъ господствовать въ этомъ ученіи, и хотя разумъ начинаетъ входить въ познаніе его, но онѣ все еще остается окруженъ со всѣхъ сторонъ предметами, превышающими его познавательныя силы. Но было ли бы и Божественно это ученіе, если бы это было иначе? Въ ученіяхъ человѣческихъ такое положеніе дѣла не допускается; они живутъ по мѣрѣ того, сколько становятся понятными и всѣ усилія ихъ направлены къ этой цѣли, потому что одна очевидность съ ихъ стороны только и даетъ имъ право законнаго существованія, и такъ какъ всякій разумъ человѣческій по природѣ равенъ разуму другихъ людей, то вразумительности отъ него вправѣ требовать всякій; а недостатокъ вразумительности и очевидности давалъ бы основаніе къ осужденію такого произведенія разума въ слабости, или неразуміи. Въ ученіи Божественномъ эти вещи должны имѣть положеніе обратное: вмѣсто изслѣдованія здѣсь должна быть основаніемъ допущенія истинности его вѣра; вмѣсто очевидности должна освящать и запечатлѣвать его тайна.

Такое ученіе можетъ быть принято не иначе какъ подъ условіемъ согласія съ нашей стороны на его непостижимость; ибо кто говоритъ о Божественномъ, тотъ говоритъ о непостижимомъ. Но, — надобно помнить твердо, — этимъ мы не то утверждаемъ, что въ такомъ ученіи все должно быть непостижимо; а только то, что всего въ немъ не можетъ постигнуть нашъ разумъ, и потому тайна всегда должна лежать въ его основаніи, а вѣра должна стоять у входа къ нему.

Это приводитъ насъ къ замѣчанію касательно одного явленія, очень достойнаго еще остановить наше вниманіе. Ученія человѣческія, въ этомъ простомъ качествѣ представляющіяся, только по мѣрѣ своей очевидности пользуются успѣхомъ; это такъ и должно быть. Въ ученіяхъ же человѣческихъ, кои хотятъ выдавать себя за Божественныя, разсчитываютъ на успѣхъ по мѣрѣ того, сколько окружаютъ ихъ таинственностію; и это должно быть такъ; потому что эти ученія должны имѣть сходство въ семъ отношеніи съ ученіемъ Божественнымъ. Но существенное и неподражаемое свойство ученія истинно Божественнаго заключается въ томъ, что оно, оставаясь вполнѣ таинственнымъ въ своемъ основаніи, на поверхности своей таинственности раскрываетъ множество предметовъ познанія, достойныхъ всякаго уваженія, возбуждаетъ и движетъ къ дѣятельности разумъ въ то самое время, какъ требуетъ отъ него покорности, наполняетъ его своимъ свѣтомъ, даже расширяетъ его, что бы наполнить еще болѣе, и противопоставляетъ свою таинственность его любознанію не прежде, какъ удовлетворивши потребности его разума. Оно, съ одной стороны

примѣняется къ разуму человѣческому, что бы съ другой—заставить его смириться предъ глубиною разума Божія; бываетъ отчасти свѣтло и свѣтоносно, а отчасти темно и таинственно, и мѣру своего свѣта и таинственности разнообразно измѣняетъ, въ соответствіе тому, сколько мы свободнымъ подвигомъ къ собственному усовершенствованію становимся въ согласіе съ его существенными Божественными требованіями.—Таково единственно отличительное характеристическое свойство Христіанства. Пересмотрите все прочія ученія, и вы найдете, что они или всецѣло очевидны (по крайней мѣрѣ предъявляютъ притязаніе на то), когда выдаются за произведенія человѣческія, или вполне темны, когда выдаются за Божественныя. Въ этомъ последнемъ случаѣ они раздѣляютъ свойство, общее всемъ поддѣлкамъ, — они бывають наряжены по образу оригинала въ томъ отношеніи, въ какомъ ему можно подражать, а все, что ему существенно свойственно, то въ нихъ оставляется. Безъ сомнѣнія, между Христіанствомъ и другими религіями обще то, что мы находимъ темноту какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднихъ. Но въ другихъ религіяхъ эта темнота нѣма, неподвижна, безжизненна: она убиваетъ всякую дѣятельность разума, всякое просвѣщеніе и образованность. Напротивъ, въ Христіанствѣ, и только въ одномъ Христіанствѣ, эта темнота при дѣйствіи разума, можно сказать, сжимается и сокращается въ своемъ объемѣ; она изъ собственной сущности на все, окружающее ее, проливаетъ свѣтъ, развеивающій естественную тьму, облегчающую наши судьбы и назначеніе; она больше заманиваетъ, чѣмъ останавливаетъ нашъ разумъ, и сдержива-

еть его только для того, чтобы руководить и давать ему должное направленье; она воспитываетъ въ истинномъ смыслѣ геніевъ и оказывается плодотворною и неистощимою почвою во всякомъ родѣ истиннаго просвѣщенія и образованности.

Другая черта Божественности Христіанской Религіи есть та, что въ противоположность ему нигдѣ нѣтъ истины чистой и совершенной; вездѣ она смѣшивается съ заблужденіями, раздробляется въ своемъ единствѣ, раздѣляется сама въ себѣ, примѣняясь къ слабостямъ и страстямъ человѣческимъ, смотря по различію времени и мѣста. «Относительно справедливаго и несправедливаго, говоритъ Паскаль, ничего почти неизвѣстно, что не измѣнялось бы въ своемъ качествѣ съ перемѣною климата. Съ поднятіемъ на три градуса къ сѣверному полюсу превращается вся юриспруденція; тотъ или другой меридіанъ рѣшаетъ особо вопросъ объ истинѣ, правда имѣетъ свои эпохи. Забавна справедливость, ограничивающаяся рѣкою или горою. Что истинно по сю сторону Пиренеевъ, то по ту сторону ложно.» Вотъ судьба истины въ рукахъ человѣческихъ. Христіанство представляетъ обратную сторону этого положенія. Въ немъ находится вся сумма истинъ, сколько ихъ было въ мірѣ; только, тогда какъ въ мірѣ эти истины были разсѣяны, обезображены, разбросаны тамъ и сямъ безъ своихъ истинныхъ началъ и безъ приложенія и какъ бы затеряны въ своемъ разобщеніи, въ Христіанствѣ онѣ выдѣляются отъ всего имъ несвойственнаго, сближаются и спознаются между собою, пополняютъ и оправдываютъ взаимно одна другую, развиваются и возводятся наконецъ на ту высоту, гдѣ онѣ уже становятся

опять простою и чистою истинною. Это та истина безусловная, неизмѣнная, всеобщая, которая хранится и исповѣдуются вселенскою православною Церковію, которая возвышается и господствуетъ надъ всѣмъ и ко всему и повсюду примѣняется, не измѣняясь въ своемъ качествѣ съ перемѣною климата, или меридіана, у которой нѣтъ эпохъ, и которой не полагаетъ границъ никакая рѣка и никакая гора.

Впрочемъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы здѣсь не сказали ничего такого, что не было бы признано философскими умами, наименѣе подозрительными въ пристрастіи. Только ихъ образъ выраженія въ семь случаевъ отличенъ отъ нашего. Такъ вездѣ читаемъ у нихъ, будто Христіанство есть по преимуществу *электизмъ* и великолѣпное собраніе всѣхъ разсѣянныхъ въ древнемъ мірѣ истинъ. (*) А мы утверждаемъ, что это лишь

(*) „Я повторяю (и ученый товарищъ мой, Кузень), предсѣдательствующій въ этой Академіи, окажетъ мнѣ нужную услугу своимъ удостовѣрительнымъ авторитетомъ, что Христіанство не составляетъ усовершенствованнаго только развитія закона Моисея, этой мудрости, ревниво замкнувшейся въ предѣлы ничтожной страны Востока, но оно есть вмѣстѣ величественное сокращеніе всѣхъ древнихъ системъ нравственныхъ и философскихъ, очищенныхъ отъ прихвси заблужденій и возведенныхъ къ болѣе высокимъ и совершеннымъ началамъ; это—плодъ соединенія всѣхъ частныхъ истинъ міра восточнаго и западнаго, которыя слились здѣсь въ одну истину болѣе чистую, болѣе ясную и болѣе широкую. Это окончательный выводъ тѣхъ успѣховъ, посредствомъ которыхъ человѣчество достигло до обладанія началами истинной всеобщей цивили-

говорить сильно въ пользу Божественности Религии Христіанской; и у насъ имѣется тройкое основаніе для подтвержденія этой мысли.

Во первыхъ, чтобы человѣкъ могъ разсчитывать на успѣхъ въ совершеніи такого *эклeктизма*, на какой огромный предварительный трудъ надлежало бы ему посвятить себя по изученію исторіи философіи. Сколько разныхъ стихій и матеріаловъ необходимо было бы ему переворочать, собирать, сравнить между собою, привести въ порядокъ и взаимную зависимость, защитить и оправдать все это? И за всеѣмъ тѣмъ вышло ли бы что изъ этого больше, кромѣ узорчатой мозаики? Но весь этотъ многосложный и многотрудный путь и способъ *эклeктизма* совершенно противоположенъ тому, какъ явилось въ мірѣ Христіанство. Вообразите себѣ человѣка, на всю свою жизнь зарывшагося въ книги, самаго добросовѣстнаго изслѣдователя предшествовавшихъ ему ученій, тщательнаго и усерднаго извлекавателя изъ всеѣхъ системъ, философа строго логическаго и послѣдовательнаго (методиста-классификатора), словомъ, наилучшаго *эклeктика*, и скажите, таковъ ли Іисусъ Христъ? таковы ли Его Апостолы? Есть ли что либо подобное воображаемому *эклeктизму* въ могущественной, обладающей возродительною силою простотѣ Христіанства? (*)

зации.⁴ Troplong, de l'influence du Christianisme sur le droit civil des Romains.

- (*) Предъ этою нецѣлостію отступалъ самъ Штраусъ. „Какая бы ни была предварительно заготовлена масса духовныхъ матеріаловъ, говорить онъ, дѣло Іисуса не *легче объяснялось бы* этимъ, и заслуга его нисколько не была бы отъ того меньше. Пусть бы онъ ис-

Другое основаніе нашей мысли еще тверже. Мы уже высказали въ другомъ мѣстѣ, что эклектизмъ, какъ возстановленіе истины, въ совершителѣ этого дѣла, неминуемо предполагаетъ предварительное обладаніе самою и истиною во всей ея цѣлости и неповрежденности. Здравый смыслъ утверждаетъ это. Чтобы отличить истину отъ заблужденія, сблизить и согласить одну истину съ другою, соединить одинъ отрывокъ ея съ другимъ и составить изъ этого одно цѣлое, надобно имѣть идею, планъ и первообразъ всего этого; надобно знать истину саму въ себѣ, надобно быть самою истиною. *Я есмь Истина*. Но въ такомъ случаѣ на что эклектизмъ и соединенныя съ нимъ усилія для нахождения истины, которая уже имѣется? Въ семь случаевъ достаточно было бы только *открыть* истину. Поэтому на откровеніе и слѣдуетъ указывать для объясненія появленія Христіанства, а не на *эклектизмъ*. Это послѣднее слово пусто и безсодержательно, потому что обозначаемое имъ дѣйствіе можетъ имѣть мѣсто только подъ такимъ условіемъ, которое дѣлаетъ его бесполезнымъ, т. е. подъ условіемъ предварительнаго обладанія ис-

черпаль всѣ пособія современнаго образованія, а этого отнюдь не было, какъ свидѣтельствуетъ удивленіе его современниковъ: какъ *Онъ знаетъ писанія, не учившись* (Іоан 7, 15); *откуда у него такая премудрость и сила?* (Мат. 13; 54), — и тогда было бы не менѣе справедливо, что ни одного изъ этихъ условій далеко не достаточно, чтобы совершить какой либо переворотъ въ мірѣ. Нѣтъ, закваску, необходимую для столь великаго дѣла, Иисусъ могъ почерпнуть только въ своей душѣ." Strauss t. 1 p. 337. (— Почему бы не сказать: могъ почерпнуть только въ своемъ Божествѣ?)

тиною. И такъ, если признають, что Христіанство обладаетъ истиною; то совершенно необходимо такъ согласиться и на то, что оно само есть существенная истина, т. е. что въ немъ Божество открыло себя человѣку.

Въ третьихъ, когда истина познана и возстановлена въ ея цѣлости и неповрежденности; то спрашивается, какъ поднять ее на такую высоту и утвердить въ такомъ состояніи единства и всеобщности, чтобы она обнимала все страны земнаго шара и все вѣка? Не слѣдуетъ ли опасаться, что таже разрушительная сила, которая первый разъ испровергла истину, имѣвшую за себя вначалѣ свою естественную силу, разрушить ее и въ другой разъ, когда за нее можетъ стоять только сила *эклектического* возстановленія? Ужели можетъ произвести чудо этой неразрушимости какая либо иная связь, какой нибудь новый цементъ, болѣе прочный, чѣмъ самая цѣлость и неповрежденность, свойственная истинѣ первоначальной? Очевидно, что здѣсь надобно прибѣгнуть къ дѣятелю сверхъестественному, Божественному, и это только для поддержанія добытыхъ плодовъ человѣческаго *эклектизма*. Но признаюсь, я очень охотно принимаю, что Божественный Виновникъ въ сохраненіи этого дѣла есть вмѣстѣ и Творецъ самаго дѣла; и я всегда прихожу къ тому заключенію, что въ ученіи Христіанскомъ и его неразрушимомъ православіи нельзя не видѣть дѣла Божія.

4. Такимъ образомъ, и въ этомъ краткомъ изложеніи нашихъ впечатлѣній видно, что Христіанство со всехъ сторонъ своихъ далеко разбрасываетъ блестящіе лучи своей Божественности.— Впрочемъ, здѣсь я говорилъ все только о *внутреннихъ*

свойствахъ Христіанства. Не надобно забывать, что кромѣ этихъ свойствъ есть еще свойства, существенно относящіяся къ Христіанской Религіи, *внѣшнія*, представляющія собою доказательства историческія, которыхъ мы здѣсь не касались, и которыя, какъ увидимъ, составляютъ единственный и неподражаемый признакъ Божественности Христіанства.

Но когда оно разсматривается и само въ себѣ, независимо отъ этихъ многознаменательныхъ основаній, когда оно берется только какъ предметъ вѣры послушныхъ ему учениковъ и какъ предметъ порицанія и отверженія его враговъ, и тогда его ученіе, не смотря на все то, что есть и должно быть таинственно въ его основаніи, и что, однакожь, является для насъ свѣтоносно,—столько высоко и столько совершенно и ни съ чѣмъ несравнимо, что и его одного достаточно для того, чтобы на твердомъ основаніи поставить убѣжденіе въ его Божественномъ достоинствѣ и способствовать къ принятію его всякому благородному уму, спокойному и возвышенному, смѣемъ сказать, въ силу *очевидности изслѣдованія*. Это, повторяемъ, окончательный плодъ нашего труда, плодъ, который мы постоянно имѣли въ виду во все теченіе нашего изслѣдованія.

Безъ сомнѣнія, этимъ я не желаю разрушать того, что прежде утверждалъ; и я знаю, что мнѣ могутъ сказать, что очевидность изслѣдованія невозможна въ ученіи Божественномъ и таинственномъ въ томъ отношеніи, что изслѣдованіе, здѣсь никогда не бываетъ полно; и такъ какъ то, что ускользаетъ отъ изслѣдованія можетъ служить поводомъ къ опроверженію того, что поддается из-

слѣдованію; то понятно, что тутъ нельзя утверждать на совершенной очевидности изслѣдованія. Съ этою мыслію въ смыслѣ общаго положенія, я согласенъ. Но, разсматривая ее какъ фактъ, и по внушенію здраваго смысла,—верховнаго судіи въ дѣлѣ убѣжденія,—я утверждаю противное. Я утверждаю, что если, при разсмотрѣніи одной за другою всѣхъ многочисленныхъ истинъ Христіанскаго ученія, оказывается, что каждая изъ нихъ носитъ на себѣ печать неподражаемаго совершенства и какъ бы издаетъ Божественный тонъ; если не только усматривается это въ каждой истинѣ, взятой отдѣльно, но и при сближеніи и соглашеніи ихъ однихъ съ другими, изъ этого сближенія выходятъ не менѣе высокія совершенства, и какъ въ цѣломъ, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, при разсмотрѣніи синтетическомъ и аналитическомъ, открывається со всѣхъ сторонъ премудрость неисчерпаемая, непогрѣшительная, тѣмъ болѣе очевидно, чѣмъ болѣе бываетъ чистъ, прозорливъ и обширенъ разумъ, ее созерцающій, утверждаю, что при столь чудной и богатой гармоніи, при столь неизмѣнномъ и глубокомъ согласіи и при всѣхъ свойствахъ, доступныхъ нашему разумѣнію въ Христіанскомъ ученіи, и столько же очевидно поставляющихъ его въ рядъ дѣлъ Божіихъ, сколько и отличающихъ отъ произведеній человѣческихъ, не возможно, чтобы въ томъ, что остается таинственнымъ и непостижимымъ въ этомъ ученіи, заключалось что нибудь, могущее обличить это ученіе въ обманъ и заблужденіи. Сторона этого ученія свѣтлая и свѣтоносная служить для меня порукою за сторону его непостижимую, какъ и за саму себя, потому что и она сама не была бы таковою безъ

ихъ взаимнаго согласія; такъ какъ разнорѣчіе между ними, при такомъ положеніи дѣла, составляло бы чудо большее, чѣмъ чудо Божественнаго происхожденія этого ученія, доказываемаго *очевидностию изслѣдованія* о немъ.

• Таково заключеніе, въ которомъ здравый и некренный разумъ, незараженный никакимъ предубѣжденіемъ противъ истины, любитъ находить себѣ успокоеніе, какъ бы на лонѣ самой истины. Есть въ этомъ заключеніи, я это сознаю, матерія для критики, матерія для прерѣканія, но не для здраваго смысла и не для доброй воли; это такъ и должно быть. Будь, съ другой стороны, лишкомъ много очевидности, тогда невозможны были бы ни прерѣканіе, ни послушаніе вѣры, имѣющее достоинство заслуги. Впрочемъ, силу этого заключенія не въ состояніи оцѣнить тотъ, кто прочелъ бы только этомъ окончательный выводъ, представленный нами въ настоящей главѣ; такъ какъ и самая эта глава есть лишь слабый очеркъ всѣхъ впечатлѣній, приобрѣтенныхъ изученіемъ болѣе чѣмъ одной книги. Чтобы испытать на себѣ эту силу, надобно мало-помалу воспринимать ее изученіемъ всѣхъ этихъ размышленій нашихъ. Ея дѣйствіе состоитъ не въ увлеченіи, а въ проникновеніи; она не пробѣгаетъ съ замѣтною и ощутительною стремительностію, подобно потоку, но тихо и медленно испадаетъ въ душу внимательную и самособранную, подобно благодатному дождю, тихому и плодотворному, замѣтно капающему съ неба.

Вотъ дѣйствіе и значеніе внутреннихъ доказательствъ и соединенной съ ними *очевидности изслѣдованія*.

Но Христіанство, которое такъ не основатель-

но обзываютъ непріязненнымъ для разума, представляется разуму съ этою очевидностію только въ соотвѣтствіе и въ мѣру его покорности и въ награду за его покорность очевидности другагорода, еще болѣе убѣдительною, я разумѣю *очевидность авторитета*. О важности и необходимости авторитета, хотя не прямо, мы уже объяснили нѣкоторыя предварительныя понятія въ первой части нашихъ изслѣдованій. Болѣе прямыя и опредѣленныя положенія объ этомъ предметѣ будутъ изложены нами въ третьей части, куда отнесено нами разсмотрѣніе *доказательствъ историческихъ, или внѣшнихъ*.—Этимъ мы выполнимъ предпринятый нами трудъ и закончимъ обзоръ неизмѣримаго круга Христіанства.

Но не надобно забывать, и съ окончаніемъ этихъ изслѣдованій не слѣдуетъ отъ нихъ ожидать того, чего они, по самой сущности своей, не могутъ, безусловно даровать. Ни *очевидность изслѣдованія*, ни *очевидность авторитета*, въ какой бы степени ни представлялись онѣ въ ясности и твердости умственныхъ построеній, или важности и непрерывѣкаемости свидѣтельства, никогда не могутъ привести насъ къ усвоенію истины Христіанской во всей ея полнотѣ и цѣлости, если въ помощь имъ не будетъ присоединена другаго рода очевидность, — *очевидность практическая*. Первыя могутъ возбуждать и поддерживать вѣру, а одна только послѣдняя имѣетъ силу *запечатлѣвать и возводить ее къ совершенству*. Этого требуетъ самая сущность предмета. Истина Христіанской Религіи, въ высшей степени практическая, по необходимости, можетъ и должна быть познаваема и усвояема практически, дѣятельною жизнію. Она не вы-

полняла бы своей цѣли, не была бы тѣмъ, чѣмъ должна быть по своей сущности, если бы жизнь Христіанская не заимствовала изъ нея ничего больше, кромѣ уметвенныхъ созерцаній, если бы даже въ жизни не соблюдалось самое живое и полное соотвѣтствіе съ познаніями истины Христіанской. Чтобы возбуждать человѣка къ нравственной дѣятельности, согласной съ истиною Христіанскою, поддерживвть и увлекать его къ преспѣванію въ этой дѣятельности, Богъ благоволилъ сокрыть отъ нашего разума извѣстную сторону познанія о Себѣ и поставить это познаніе въ зависимость не отъ усилій любознательности нашей, а отъ вѣрности нашей жизни познанной истинѣ. Въ дѣятельномъ исполненіи закона Господня сокрыты такія познанія о Богѣ, которыя инымъ путемъ не доступны нашему разуму и до которыхъ можетъ онъ доходить только при живомъ общеніи души съ Богомъ, когда душа послушаніемъ закону соединяетъ волю свою съ волею Его и озаряется свѣтомъ лица Его. Итакъ, если вы окончательно хотите удостовѣриться, если дѣйствительно желаете знать, какъ вамъ устоять въ вѣрѣ въ Божественное достоинство Христіанской Религій, противъ которой столько предубѣжденій болѣе или менѣе значительныхъ, и которая такъ многосторонне и глубоко касается вашей судьбы и назначенія; постарайтесь испытать ее на дѣлѣ, опытно, исполняйте ея требованія. Упостасное Слово Божіе скоро дастъ вашему сердцу прямымъ образомъ почувствовать Себя: глубокія и неподражаемыя дѣйствія и перемены, какія Оно произведетъ въ вашей душѣ, внезапно дадутъ вамъ познать, кто и каковъ ихъ Виновникъ. Къ имѣющей родиться отсюда въ

душѣ вашей достовѣрности ничего не возможно будетъ прибавить. Тогда радость ваша будетъ такъ же велика, какъ радость челоуѣка, нашедшаго неоцѣненное сокровище, и вы въ восторгѣ радости будете говорить мнѣ то же, что жители Сихара, узнавши Иисуса Христа, говорили самарянкѣ, сообщившей имъ первую вѣсть о Иисусѣ Христѣ: *уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ; ибо сами слышали и узнали, что Онъ истинно Спаситель мѣра, Христосъ.* (*)

(*) Иоан. 4, 42.

м. н. д. - 2609

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.